

УЧЕБНИК
ДЛЯ ВУЗОВ

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ РОССИИ до 1917 года

В двух томах

Под редакцией
доктора исторических наук,
профессора М.Ю. Лачаевой

Том 2

Рекомендовано Министерством образования и науки
Российской Федерации в качестве учебника
для студентов высших учебных заведений

Москва
ГУМАНИТАРНЫЙ
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
ЦЕНТР
ВЛАДОС
2004

УДК 930.2(075.8)
ББК 63.3(2)я73
И90

Авторы:

М.Ю. Лачаева, д-р ист. наук, проф.;
Н.М. Рогожин, д-р ист. наук, проф.;
Г.Р. Наумова, д-р. ист. наук, проф.

И90 **Историография** истории России до 1917 г. : учеб. для студ. высш. учеб. заведений : в 2 т. / [М.Ю. Лачаева, Н.М. Рогожин, Г.Р. Наумова] ; под ред. М.Ю. Лачаевой. — М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2004. — Т. 2. — 383 с.

ISBN 5-691-00953-2.

ISBN 5-691-00999-0(Т. 2) (в пер.).

Учебник знакомит студентов с важнейшими историческими концепциями, господствовавшими на том или ином этапе развития исторической науки, с ведущими школами и направлениями в российской историографии, с теоретическими и историческими взглядами их представителей.

Раскрывается богатство профессиональных средств и методов, системы доказательств и подачи материала выдающимися отечественными историками второй половины XIX века.

УДК 930.2(075.8)
ББК 63.3(2)я73

- © Коллектив авторов, 2003
- © ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 2003
- © Серия «Учебник для вузов» и серийное оформление.
ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 2003
- © Макет. ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 2003

ISBN 5-691-00953-2
ISBN 5-691-00999-0(Т. 2) (в пер.)

Содержание

<i>Глава 16.</i>	Исторические концепции А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского и А.П. Щапова. (<i>М.Ю. Лачаева</i>)	5
<i>Глава 17.</i>	«Цветущая сложность» К.Н. Леонтьева и концепция Л.А. Тихомирова. (<i>М.Ю. Лачаева</i>)	45
<i>Глава 18.</i>	Д.И. Иловайский (1832—1920) (<i>Н.М. Рогожин</i>)	92
<i>Глава 19.</i>	Мастера биографического жанра — Н.К. Шильдер и великий князь Николай Михайлович. Историк-дипломат С.С. Татищев (<i>М.Ю. Лачаева</i>)	113
<i>Глава 20.</i>	Н.И. Костомаров (1817—1885) (<i>М.Ю. Лачаева</i>)	146
<i>Глава 21.</i>	В.О. Ключевский (1841—1911) (<i>М.Ю. Лачаева</i>)	167
<i>Глава 22.</i>	П.Н. Милюков (1859—1943) (<i>М.Ю. Лачаева</i>)	200
<i>Глава 23.</i>	А.А. Кизеветтер и А.А. Корнилов (<i>М.Ю. Лачаева</i>)	219
<i>Глава 24.</i>	С.Ф. Платонов (1860—1933) (<i>Н.М. Рогожин</i>)	239
<i>Глава 25.</i>	А.С. Лаппо-Данилевский и А.Е. Пресняков (<i>М.Ю. Лачаева</i>)	260

<i>Глава 26.</i>	Единство кардинальных линий исторического развития России и Западной Европы в творчестве Е.Ф. Шмурло и Н.П. Павлова-Сильванского (М.Ю. Лачаева)	288
<i>Глава 27.</i>	Возникновение марксистской концепции истории России (Г.Р. Наумова)	304
<i>Глава 28.</i>	Исторические концепции христианских социалистов в контексте русской религиозной мысли (Г.Р. Наумова)	320
<i>Глава 29.</i>	Исторические представления народников (М.Ю. Лачаева)	334
<i>Глава 30.</i>	Вместо заключения. О некоторых тенденциях в развитии отечественной историографии 1860–1910-х гг. (М.Ю. Лачаева)	370

Герцен и Чернышевский — самобытные и яркие мыслители. Они оставили после себя долго действующие оригинальные концепции, актуальность отдельных сторон которых продолжает удивлять нас. К их числу следует отнести вопросы о соотношении исторического опыта России и Западной Европы, месте нашей страны в мире, наблюдения о русском историческом пути. Размышления обо всем этом служили для Герцена и Чернышевского источником суждений о настоящем России и являлись ориентиром для принятия политических решений, были своеобразным мостом в будущее. В первом письме о «Публичных чтениях г. Грановского» в 1843 г. А.И. Герцен писал: «В наше время история поглотила внимание всего человечества, и тем сильнее развивается жадное пытанье прошлого, чем яснее видят, что прошлое пророчествует, что, устремляя взгляд назад, мы как Янус смотрим вперед».

Жизненный опыт убедил А. И. Герцена в том, что, пройдя курс западной дрессировки и «подкованные ею», русские вполне могли бы стать «на свои ноги», вместо того чтобы «твердить чужие зады и прилаживать стоптанные сапоги». Пришло время подумать, нет ли в народном быту, в народном характере и мысли, «в искусстве чего-нибудь такого, что может иметь притязание на общественное устройство несравненно высшее западного». Хорошие ученики, по мнению А.И. Герцена, часто переводятся через класс. Ему же принадлежит мысль о преимуществах стран, имеющих возможность учиться у других и благодаря этому, не повторять их ошибок: «История весьма несправедлива, поздно приходящим она дает не оглодки,

**Проникновение
идей марксизма
в историографию**

В.Ф. Асмус вспоминал об учебе в Киевском университете в начале XX в.: «Поразительным было в университетском преподавании философии того времени полное умолчание о философии марксизма... Даже в курсах русской истории было иначе. У профессора М.В. Довнар-Запольского, доцента П.П. Смирнова можно было обнаружить некоторое влияние исторических идей Маркса и Энгельса или, по крайней мере, исторических идей русского «легального» марксизма — идей П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановского и др., — но только не философских учений марксизма. Последний понимался и учитывался только как политическое, публицистическое учение и как политико-экономическая теория».

Действительно, историки востребовали раньше, чем философы, марксистскую концепцию, поскольку понимали ее как учение «экономического материализма». Так историки оказались в числе тех, кто заинтересованно поддержал социологические идеи Маркса. При этом самым актуальным для исторической науки был вопрос о степени универсальности и общеобязательности предложенной Марксом теории именно в контексте реального исторического процесса. Актуален был этот вопрос и для отечественной социологии. Так появилось знаменитое письмо Маркса в журнал «Отечественные записки»: «Моему критику угодно было мой очерк истории происхождения западноевропейского капитализма превратить в целую историко-философскую теорию исторического пути народов, роковым образом предначертанного для каждого из них, каковы бы ни были условия его исторического бытия. Но я прошу извинить меня: такое толкование для меня одновременно и слишком почетно и слишком постыдно».

Н.И. Бухарин в своей автобиографии так высказался о причинах приобщения к марксизму, о причинах выбора именно теории экономического материализма: «Случайно мне в это время подвернулась знаменитая «лекция об Антихристе» Владимира Соловьева, и одно время я колебался не антихрист ли я», и далее: «Сперва занятия экономической теорией произвели на меня тяжелое впечатление: после «высокого и прекрасного» — «товар — деньги — товар». Но, войдя *in medias res* (в самую суть. — Г.Н.) марксистской теоретики, я почувствовал ее необычайную, логическую стройность. Должен сказать, что, несомненно, именно эта черта повлияла на меня больше всего».

Это признание обнаруживает тот путь, который проходила молодежь вместе с отечественной мыслительной традицией, — путь либо от идеализма к марксизму, либо от марксизма к идеализму. В сфере общественно-политической это был период бурной полемики между марксистами и народниками. Как известно, он завершился политическим антагонизмом. От экономического материализма отошли «легальные» марксисты. Но очевидно, марксизм привлекал молодые умы не только своей ярко выраженной логикой, но и устремленностью на соединение теории и практики. Социализм был понят как заложенный в самом бытии естественный результат исторического процесса, естественный предел социального развития.

Оценивая исторические концепции марксистов, в том числе и первых историков-марксистов, нельзя упускать из вида тот факт, что Октябрьская революция совершилась под знаменем марксизма и под руководством одного из его теоретиков. Это не могло не повлиять впоследствии на распространение ленинских исторических концепций. Победа на политическом поприще стала знаком, подтверждающим верность теории. Марксизм получил статус государственного учения, оберегаемого идеологической цензурой. Поэтапно термин «экономический материализм» вытесняется понятием «исторический материализм», а затем и «диалектический материализм». Марксизм вышел за пределы социологии как положительной науки, ибо охватил собою не просто изучение явлений окружающего мира, но занялся решением общих гносеологических и онтологических вопросов в материалистическом ключе. Логика такова: основа бытия материальна, следовательно, и основа общественного бытия — материальна, следовательно, экономика — основа общественного бытия. Диалектика материализма интерпретируется не только как метод мышления, но и как основной закон объективного развития.

**Исторические
воззрения
Г.В. Плеханова**

Выступление Георгия Валентиновича Плеханова в 1895 г. под псевдонимом Бельгова положило начало экономического материализма в России. Речь идет о его книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Далее были работы «Несколько слов в защиту экономического материализма» (1896), «О материалистическом понимании истории» (1897), «К вопросу о роли личности в истории» (1898), «Не-что об истории» (1899); в 1908 г. он очень кратко изложил основы своего социологического подхода в работе «Основные вопросы марксизма».

Стилю Плеханова (1856—1918) присущ резкий полемический тон. Потому, читая его работы, надо с осторожностью воспринимать изложение им взглядов оппонентов. Так, к примеру, по вопросу о роли личности в истории Плеханов полемизировал с якобы присущей субъективной социологии точкой зрения о противопоставлении деятельности критически мыслящей личности и законов общественного развития. В действительности такого противопоставления не было. Речь шла о противопоставлении сознательной целеустанавливающей деятельности стихийному ходу вещей.

Изучение же самих взглядов Плеханова на историю неизбежно должно сопровождаться пониманием пафоса защиты идей экономического материализма. Так и при анализе роли личности в истории Плеханов считает своим долгом подчеркнуть, что марксизм не отрицает сознательного целенаправленного действия людей: «...общественные отношения суть отношения людей, и ни один великий шаг в истории не может совершиться без участия великого множества людей, то есть масс. Необходимость их участия обуславливает необходимость воздействия на массы более развитых личностей. Таким образом, открывается простор для деятельности отдельных личностей».

Выходит, что личности благодаря данным своего характера могут влиять на судьбу общества. Иногда их влияние бывает даже очень значительным, но как сама возможность подобного влияния, так и размеры его определяются организацией общества, соотношением в нем общественных сил.

Плеханов жестко и определенно формулирует свое кредо марксиста при оценке роли базисных явлений в истории, отводя должное место и географическому фактору: «Свойства географической среды обуславливают собой развитие производительных сил, развитие же производительных сил обуславливает собой

развитие экономических, а вслед за ними и всех других общественных отношений... Раз возникнув, данные общественные отношения сами оказывают большое влияние на развитие производительных сил. Таким образом... между развитием производительных сил и общественным строем возникает взаимодействие. Порождаемые данной экономической структурой правовые и политические отношения оказывают решительное влияние на психику общественного человека». Раз «хозяйственная жизнь развивается под влиянием роста производительных сил», то «изменяются и взаимные отношения людей в процессе производства, а с ними и человеческая психика». Так меняется способ производства. Такова схема накопления количественных признаков и перехода их в качественные. «Имущественные отношения, сложившиеся на данной ступени роста производительных сил, в продолжение некоторого времени способствуют дальнейшему росту этих сил, а потом начинают мешать ему». Плеханов обнаруживает некоторую последовательность в действии выявленной закономерности: 1) состояние производительных сил, 2) обусловленные им экономические отношения, 3) социально-политический строй, выросший на данной экономической основе, 4) определяемая социально-политическим строем психика общественного человека, 5) различные идеологии, отражающие на себе свойства этой психики.

Плеханов — крупнейший теоретик марксизма. Он применял теорию экономического материализма к рассмотрению таких «идеологических надстроек» над «экономическим базисом», как религия, искусство, литература. Особый интерес с этой точки зрения представляет его фундаментальный исторический труд «История русской общественной мысли». Плеханов приступил к его написанию в 1909 г., завершить же так и не успел. Сама структура работы, в которой сначала дается очерк развития русских общественных отношений, а затем раскрывается движение общественной мысли, уже служит пониманию концепции автора.

Общеметодологические установки Плеханова сохраняются и в этом историческом труде. В качестве основного исследовательского метода он называет сравнительный, но подчеркивает, что применение этого метода в его понимании означает выявление не только черт сходства, но и черт отличия одного исторического явления от другого.

Отталкиваясь от традиционного в российской исторической литературе сравнения России и Запада Плеханов считает

нужным подчеркнуть, что, «не будучи вполне своеобразным, русский исторический процесс все-таки отличается от французского некоторыми весьма важными чертами. И не только от французского. В нем есть особенности, очень заметно отличающие его от исторического процесса всех стран европейского Запада и напоминающие процесс развития восточных деспотий». Так Плеханов выбирает вторую точку отсчета. Россия в ее историческом развитии размещается между Западом и Востоком. Колебание ее истории склоняется то в одну, то в другую сторону: «Чем более своеобразным становился ход нашего общественного развития в сравнении с западноевропейским, тем менее своеобразен был он по отношению к ходу развития восточных стран, — и наоборот».

Исторические эпохи истории России по концепции Плеханова отличаются по их преимущественной родственности Востоку или Западу. Так, Московское царство ассоциируется с Востоком: «Надо думать, что если бы ожила мумия какого-нибудь «холопа» или дьяка, — scribe, как выражаются французские египтологи, — одного из египетских фараонов, скажем XII династии, и совершила путешествие в Московию, то, в противоположность западному барону Герберштейну, она не нашла бы очень много удивительного для себя в общественно-политическом быту этой страны. Она решила бы, что отношения москвитян к верховной власти весьма близки к тому, что существовало на ее далекой родине, именно таковы, какими они должны быть в благоустроенной стране».

Разумеется, что при таком подходе вся деятельность Петра и последующая история России — это борьба с азиатщиной, с Россией Востока: «В конце XVII, в XVIII и в XIX столетиях, — не до Р.Х., а после него, необходимо было усвоить культуру европейского Запада или пойти назад, склониться к упадку и разложению». Заимствования с Запада были окружены азиатской обстановкой. Это определяло и ход и темпы преобразований. И в итоге: «Говорил или не говорил Петр, что Россия со временем должна будет повернуться «задом к Европе», — ясно, что в настоящее время она уже совершенно лишена всякой возможности поступить так».

И все же Плеханов допускал и варианты общественного развития и в обозначенном контексте: «Вся последующая история нашей общественной мысли определится взаимными классовыми отношениями пролетариата и буржуазии. В ходе развития этих отношений на «восточной равнине» Европы

опять будут, конечно, свои относительные особенности, которые вызовут относительные особенности духовного развития. Бесплезно гадать теперь как о тех, так и о других».

Что же определяет глубину и характер освоения Россией привносимых влияний? Все привносимые в Россию с Запада формы и идеи определяются в конечном итоге тем содержанием, которое дают им общественные классы России. Так просветительские идеи XVIII в. под влиянием состояния мещанского сословия, которое их восприняло, обернулись мистикой розенкрейцеров. Об Н.И. Новикове и его эволюции Плеханов высказался вполне определенно: «Он громко и восторженно пел замогильную песню, а более или менее образованные разночинцы с удовольствием слушали ее и дружным хором подхватывали ее кладбищенский припев. Трагедия, которую мы видим здесь, была трагедией не отдельных лиц, а целого общественного слоя. Настроение, овладевшее Новиковым, оказалось соответствующим настроению весьма значительной части европеизованного «мещанства»».

Размышляя об общественной мысли, выраженной в «изящной» литературе, Плеханов опять ставит проблему зависимости форм общественного выражения от состояния общественных классов: «Но надо помнить, что содержание отстает от формы не тогда, когда литература только еще начинает развиваться, а тогда, когда она уже склоняется к упадку — чаще всего вследствие упадка того общественного класса или слоя, вкусы и стремления которого в ней выражаются».

Итоговый вывод, который находим в предисловии к труду, звучит парадоксально с учетом той системы приоритетов, к которым мы привыкли: «Мой анализ привел меня к тому выводу, что нелогичность, нередко проявляемая русскими идеологами, объясняется в последнем счете логикой западноевропейского общественного развития. Как ни парадоксален на первый взгляд этот вывод, я считаю его совершенно неоспоримым». В конечном итоге в окончательном виде все зависит от состояния и особенностей социальных групп и классов, данных нам историческим развитием. Правда, есть еще и психология эпохи: «Но чтобы правильно судить о тогдашних явлениях, необходимо принимать во внимание психологию тех эпох, к которым они относятся».

Взгляды Плеханова на историю России дали ему основания для заключения о перспективах революционного преобразования, в принципе могущих изменить линию судьбы,

намеченную Петром: «Если не будет объективных предпосылок для социалистической революции, то правительство вынуждено будет искать спасения в идеалах «патриархального и авторитарного коммунизма», внося лишь те изменения, что вместо «сынов солнца» и их чиновников национальным производством будет заведовать социалистическая каста».

Исторические взгляды Плеханова, изложенные им в «Истории русской общественной мысли», были с большой долей скепсиса встречены его соратниками по политической борьбе. Из отзыва Троцкого: «Это труд в теоретическом отношении далеко не безупречный: соглашательские и патриотические тенденции плехановской политики... успели, по крайней мере частично, подкопать даже его теоретические устои. Запутавшись в безысходных противоречиях социал-патриотизма, Плеханов начал искать директивы вне теории классовой борьбы — то в национальном интересе, то в отвлеченных этических принципах. В последних своих писаниях он делает чудовищные уступки нормативной морали, пытаясь сделать ее критерием политики («оборонительная война — справедливая война»). Во введении к своей «Истории русской общественной мысли» он ограничивает сферу действия классовой борьбы областью внутренних отношений, заменяя ее для международных отношений национальной солидарностью». Исторический материал окрасил социологические концепции Плеханова в цвета, чуждые классовой позиции Троцкого. И это, скорее всего, неизбежное следствие реализации социологии на конкретно-историческом эмпирическом уровне.

**В.И. Ленин
и историческая
наука**

Не случайно Плеханов был назван и учителем Владимира Ильича Ульянова (Ленина) (1870—1924). Ленин как вождь и политический деятель достиг величайшего практического успеха. Ленин стал историей. Это предопределило интерес к его историческим концепциям. Этапы освоения ленинского теоретико-методологического наследия являются самостоятельной научной темой. Тема «В.И. Ленин и советская историческая наука» может быть рассмотрена самостоятельно именно в силу того значения, которое имело его теоретико-методологическое наследие на разных этапах развития советской исторической науки, зачастую определяя тенденции этого развития.

Ленин был не только теоретиком, но и практиком общественной жизни, публицистом. Сами социологические

и исторические вопросы ставились и решались Лениным в постоянной связи с текущими событиями, с непосредственными практическими задачами революционной борьбы, с требованиями ее стратегии, тактики и технологии. Потому и основные вехи в изложении его взглядов связаны с общественными реалиями. Так, впервые его взгляды были изложены в связи с полемикой с народниками. В основу его социологии изначально была положена не личность, а социальная группа. Уже на том этапе, выступая солидарно с «легальными» марксистами, он внутренне расходится с объективизмом П.Б. Струве. «Что есть идеал для марксиста?» — задает он вопрос. И отвечает: «Марксист исходит из того же идеала, но сличает его не с современной наукой и современными нравственными идеями, а с существующими классовыми противоречиями и формулирует его поэтому не как требование науки, а как требование такого-то класса, порождаемое такими-то общественными отношениями...»

Это был этап защиты социологии марксизма, затем был этап защиты философии марксизма. И в работе «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин формулирует: «Материализм вообще признает объективно-реальное бытие (материю), независимо от сознания, ощущения, от опыта и т. д. человечества. Материализм исторический признает общественное бытие независимым от общественного сознания человечества. Сознание и там и тут есть только отражение бытия, в лучшем случае приблизительно верное (адекватное, идеально точное) его отражение». Защита экономического, теперь исторического материализма приобрела еще одну важную сторону. Это признание старого партийного характера этого учения и вообще всей материалистической философии. «Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад». Третий этап теоретической деятельности Ленина связан с революцией. Здесь возникает тема революции и государства, а также многое другое. И все же в заключении к работе «Государство и революция» он напишет, выразив суть своего жизненного призвания: «Приятнее и полезнее опыт революции проделывать, чем о нем писать».

В трудах Ленина учение об общественно-экономических формациях неразрывно органически соединено с классовым анализом исторического процесса и партийностью в его оценке. Он применил к истории России метод, выработанный основоположниками исторического материализма. Ленин видел задачу в том, чтобы, «пользуясь выработанными приемами

материалистического метода и теоретической политической экономии, исследовать русские производственные отношения и их эволюцию».

Ленин интегрально и ортодоксально воспринимал марксизм. Потому мы и можем говорить о ленинизме. Речь идет о таких сторонах учения, как материализм и диалектика, экономическое объяснение истории, сведение истории к борьбе классов, теория ценности, учение о социальной революции, о диктатуре пролетариата, коммунизм и интернационализм. Ленин, применив теорию исторического материализма, пришел к выводу, что русская история развивалась в соответствии с общими закономерностями всемирной истории. Именно потому, что Ленин был прежде всего политиком, его интерес к русской истории был достаточно избирателен и коррелировал с его политическими взглядами и методологическими установками.

Впервые в исторической науке Ленин с марксистской позиции проанализировал весь процесс формирования и развития капиталистических отношений в России. Классическим следует в этом отношении считать его труд «Развитие капитализма в России» (1895). Сама работа была рождена необходимостью ответить по-марксистски на ряд вопросов, связанных с теоретической борьбой с народниками по вопросу о рынке и о развитии капитализма.

Ленин выдвигает свои критерии для определения форм товарного производства, показывает сложное переплетение крепостнических и капиталистических отношений в экономике пореформенной России и приходит к выводу, что Россия — страна капиталистическая. Применение марксистского метода при оценке социально-экономического развития России в конце XIX в. поставило задачу обращения и к более ранним этапам исторического развития для утверждения выявленной закономерности.

Так, занимаясь проблемами развития и функционирования государственного аппарата, он пытался проследить его становление как общественного института. Кроме того, среди исторических сюжетов его привлекала проблема вызревания внутри феодального строя капиталистических отношений. Ленин отмечал, что основной процесс социально-экономического развития «московского царства» представлял собой закрепощение крестьян — «помещики и монастыри принимали крестьян из разных мест». Однако, по его мнению, в целом степень государственного единства была в то время такова, что «о национальных

связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные «земли», частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д.».

«Московскому царству» Ленин противопоставлял «новый период русской истории (примерно с XVII века)», который «характеризуется действительно фактическим слиянием всех... областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было... усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных». Итак, в соответствии с ленинскими взглядами, действительное единство страны, которое возникло на основе роста общественного разделения труда, рыночных связей, возникает лишь в новый период истории, примерно с XVII в., когда наметился рост буржуазных элементов, который выразился, как это было характерно, по его мнению, для начальных этапов генезиса капитализма вообще, в росте торгового капитала.

Вообще представляется интересным, что именно Ленин понимал под «централизованным государством». В 1907 г. он писал о «капиталистическом государстве, которое централизовано не по произволу бюрократии, а в силу непреодолимых требований экономического развития». Таким образом, Ленин говорит о различных типах централизации: тех, которые держатся на силе и произволе бюрократии, феодальных, и основанных на экономическом развитии, капиталистических. Но и этот, последний, тип централизации тоже, по Ленину, еще не высший. В 1910 г. Ленин писал о том, что «в России дело идет только еще о создании современного буржуазного государства, которое будет похоже или на юнкерскую монархию (в случае победы царизма над демократией), или на крестьянскую буржуазно-демократическую республику (в случае победы демократии над царизмом)... Этот вопрос исторически еще не решен. Буржуазные революции в России еще не закончены». Подлинно централизованное государство возможно только в будущем.

Ленин считал, что при любых условиях централизованное крупное государство «есть громадный исторический шаг

вперед от средневековой раздробленности к будущему социалистическому единству». Эта идея противопоставления самодержавного, чиновничьего, бюрократического государства и централизованного, буржуазного, которое возникает в эпоху падения абсолютизма, просматривается во многих ленинских работах. Вообще следует особо отметить, что Ленин не употреблял применительно к «московскому царству» термин «централизованное государство».

В центре внимания Ленина находились проблемы революционного движения в России. Особое внимание было уделено пролетарскому этапу движения. Ленин дал оценку предпосылок, характера, движущих сил российских революций. При этом революционные события и процессы в истории рассматривались как мощный творческий импульс. Именно в контексте анализа объективных возможностей революционного преобразования России была оформлена концепция империализма как монополистического капитализма, как высшей стадии капитализма.

Влияние идей марксизма на развитие исторической науки

Марксистские концепции университетских и академических ученых выглядят в дореволюционный период несомненно бледнее, чем концепции их последователей и теоретиков марксизма. Но сам факт создания этих концепций, сознательной их пропаганды в научной и учебной среде не может не вызывать интереса. Для исследования истории народного хозяйства России имели значение концепции экономиста Петра Петровича Маслова (1867—1946). Он был редактором известного в истории общественного движения издания «Самарский вестник». Внимание Маслова было сконцентрировано на учении о развитии производительных сил как основы роста народного хозяйства. Ученый размышлял о влиянии этого развития на разные формы и типы хозяйства и на перераспределение производительных сил между разными отраслями производства. Именно этому был посвящен его «Курс истории развития народного хозяйства от первобытных времен до XX столетия» (СПб., 1914).

Историки, занимавшиеся научной и педагогической деятельностью в конце XIX в., в массе своей неоднозначно относились к социологическим моделям и схемам. Сказывалась и логика развития научно-исторического знания и особенности теоретико-методологических исканий рубежа XIX—XX вв. Очевидно, что историки не стремились к какой-либо общей теории исторической эволюции. На историко-филологических

факультетах и не было систематического преподавания общей философии истории, но зато существовала историческая методология в более узком смысле — теория исторического знания: учение об источниках, критика их подлинности, достоверности, вспомогательные дисциплины и пр.

С началом освоения частью историков идей экономического материализма разъединение в известном смысле прекратилось, и все историки были втянуты в изучение проблем философии истории. Мы имеем дело с прямым воздействием определенной социологической доктрины на историографию. Не надо думать, однако, что историки, подводя под общественный строй экономический базис, находились тогда под непосредственным влиянием Маркса. Речь шла о признании важности экономической теории вообще.

Во второй половине XIX в. нельзя уже было ограничивать применение политэкономических подходов только при изучении новейшей истории. Сама жизнь обнаруживала хозяйственную подпочву исторического бытия и развития. Но историки, так размышлявшие, не теоретизировали на этот счет, не обнаруживали свои принципы относительно экономического материализма. Хотя очевидно, что экономический материализм В.О. Ключевского, например, имеет ярко выраженную этико-психологическую подоплеку: «В ветхом и пыльном свитке самого сухого содержания, в купчей, закладной, заемной, меновой или духовной, под юридической формальностью иногда прозвучит нравственный мотив, из-под хозяйственной мелочи блеснет искра религиозного чувства, — и вы видите, как темная хозяйственная сделка озаряется изнутри теплым светом, мертвая норма права оживает и перерождается в доброе житейское отношение, не соответствующее ее первоначальной природе».

М.Н. Покровский

Первым историком-марксистом традиционно называют Михаила Николаевича Покровского (1868—1932). Генетически он вышел из учебно-научной практики социально-экономических исследований в школах П.Г. Виноградова и В.О. Ключевского в Московском университете. С середины 1890-х гг. Покровский эволюционировал в сторону экономического материализма. Характерны его очерки в «Книге для чтения по истории Средних веков» (1896—1898) под редакцией П.Г. Виноградова. В этой своей ранней работе Покровский развивает мысли о выдающейся роли обмена в Древней Руси и Московском царстве.

Как специалисту по русской истории ему принадлежит ряд общих работ и частных исследований, в том числе историко-теоретические работы и критический анализ немарксистских исторических и философских воззрений. Из числа методологических работ выделяются «Идеализм и законы истории. Риккерт Генрих. Границы естественно-научного образования понятий» (1903), «Идеализм и мещанство» (1906), «Экономический материализм» (1906), «Строго научный метод» (1908). Все названные работы написаны задолго до революции. В статье «Идеализм и законы истории» проявился утилитаризм истории в отношении к исторической действительности, явленный через установление связи между исторически полезным и истинным.

Историческую концепцию Маркса Покровский изложил в брошюре «Экономический материализм». Под экономическим материализмом он понимал «объяснение всех исторических перемен влиянием материальных условий, материальных потребностей человека». Классовая борьба воспринималась им как «движущее начало истории», но в целом Покровский скорее поддержал теорию историческими примерами. «Экономическая обусловленность всех исторических фактов нисколько не мешает тому, что непосредственно та или другая перемена может быть результатом сознательного действия людей, т.е., вульгарно выражаясь, результатом влияния идей», только сами-то идеи суть «не что иное, как отражение экономики в человеческом мозгу». По вопросу о роли личности в истории Покровский исходил из того, что индивидуальные особенности исторических деятелей были «безошибочно продиктованы экономикой их времени».

Центральная работа Покровского по истории — четырехтомная «Русская история с древнейших времен» (1909). По ней, а также по «Истории России в XIX веке» (1907—1911) можно судить о первом варианте исторической концепции Покровского. Проблемы, им рассматриваемые: история падения крепостного права, декабристы, внешнеполитическая история и др. Развитие аграрного и промышленного капитализма приходится, по его мнению, на XVIII—XIX вв. Движение декабристов выросло из монополии дворян на хлебном рынке. Боевой, разоблачительный по отношению к царизму характер носит в этих дореволюционных трудах изложение внешнеполитической истории.

Задачу «Русской истории» он видел в рассмотрении развития первобытно-общинного и феодального строя, а также капитализма с точки зрения экономического материализма. Если

говорить о связи его воззрений с концепциями других историков, то следует отметить его близость концепции вотчинной теории в трудах П.Г. Виноградова. В оценке Киевской Руси Покровский повторяет взгляды Ключевского. Киевская Русь оценивается им как совокупность «городовых волостей». В социально-экономическом смысле социально-политический строй определяется как коалиция феодальной аристократии и купеческого капитала. В вопросе о феодализме первый русский историк-марксист последовал за концепцией Н.П. Павлова-Сильванского. Товарно-денежные отношения виделись ему несовместимыми с феодализмом. Преобразования Петра в соответствии с историографической традицией воспринимались как закономерный результат развития России во второй половине XVII в.

Феодальный период, по мнению Покровского, охватывал X—XIX вв. (до 1861 г.). Отчетливо проступала и теория «торгового капитала». Торговый капитал являлся значимой социально-экономической величиной. При всем преувеличении его роли в ранних работах Покровского торговый капитал выступал как сила, подчиненная феодально-крепостническому порядку. Он получает часть совокупной феодальной ренты и принимает участие в политической жизни через союз с феодальной аристократией.

Дореволюционный этап развития исторических взглядов Покровского обнаруживает объективный характер его интереса к экономическому материализму. Этот подход был присущ нашей исторической школе в целом. Вопрос стоял о преимущественной тенденции в рассмотрении экономического фактора либо с позиции нравственно-этической, либо с позиции сугубо материалистической.

Николай Александрович Рожков (1868—1927)

Еще в 1889 г. Рожков не был марксистом. Он не усматривал в марксизме законченной системы и полагал, что исторические работы не оправдывают марксизм. И все же он возлагал надежды на развитие этой теории в будущем. Причем надежда связывалась с потенциалом, заложенным в коллективной психологии. Постепенно эти сомнения ушли, и Рожков становится историком-марксистом.

В 1898 г. Рожков писал в статье «Успехи современной социологии в их отношении с историей» для журнала «Образование»: «Для разрешения вопроса о современных направлениях в ис-

тории и их вероятной будущности важны не столько социальные приобретения исторической науки, сколько те социологические принципы, которые принимаются в основу исторических исследований». В 1907 г. Рожков формулирует «Основные законы развития общественных явлений» с подзаголовком «Краткий очерк социологии». Его основная идея в том, что есть общий закономерный порядок прохождения народами одних и тех же стадий развития. Это дает возможность определить «тот период, какой переживает данная страна». И он же допускает возможность нахождения конкретных приемов и средств «к облегчению появления на свет новых форм». Появление же новых форм связано в том числе и с существованием групп с одинаковыми хозяйственными интересами и их общей социальной психологией, вырастающей на этой основе.

Так, Рожков вводил в историю психологический момент, ставя его рядом с экономическим. Создается впечатление, что психологический подход он считал даже более перспективным. Именно психологический подход даст, по его мнению, возможность конкретного изучения истории. После того как будут научно классифицированы человеческие характеры, их типы, будет изучена их историческая эволюция и причинная связь психологии с другими эволюционными моментами. В истории очередная задача — «изучение экономических процессов».

Первый труд Рожкова, содержащий попытку применить марксизм, — «Русская история с социологической точки зрения» (1910). Самый крупный его труд 12-томная «Русская история в сравнительно-историческом освещении». Первый том вышел в 1919 г. Подходы здесь были уже иные, чем в ранних работах: «...история постоянно повторяется не в меньшей степени, чем явления жизни в природе». Существует некая обязательная для всех народов схема развития. Рожков установил девять стадий развития: 1) первобытное общество, 2) общество дикарей, 3) дофеодалное, 4) феодальная революция, 5) феодализм, 6) дворянская революция, 7) господство дворянства, 8) буржуазная революция, 9) капитализм. Работа Рожкова призвана была подтвердить эту схему параллельным изложением истории России и других стран. Историческая наука делалась материалом для построений социолога. Произвольность схемы и истории Рожкова была отмечена его единомышленниками. Его марксизм называют вульгарным, расценивая его как отход от диалектического материализма. Покровский пустил термин «рожковщина».

Марксизму предстоял долгий путь в отечественной исторической науке. С учетом этого и следует оценивать то, что

было сделано практиками—политиками и учеными, осуществившими первый шаг.

Источники

- Бухарин Н.И.* Ленин как марксист // Избр. произв. М., 1988.
Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме.
Ленин В.И. Очередные задачи советской власти.
Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский.
Ленин В.И. Памяти Герцена.
Ленин В.И. Развитие капитализма в России.
Ленин В.И. Роль сословий и классов в освободительном движении.
Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?
Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве.

Литература

- Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.
Комиссарова Л.И., Ольховский Е.Р. У истоков марксистской исторической мысли России. М., 1986.
 В.И. Ленин и историческая наука. М., 1986.
 В.И. Ленин и проблемы истории. Л., 1970.
 Проблемы истории в трудах В.И. Ленина. М., 1973.
Пашуто В.Т., Салов В.И., Черепнин Л.В. Марксистско-ленинский принцип партийности в историческом исследовании и его современные критики // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970.
Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. СПб., 1918—1919. Т. 1—4.
Соколов О.Д. Об исторических взглядах Н. Покровского // Коммунист. 1963. № 8.
Хорос В.Г. Народническая идеология и марксизм. Конец XIX века. М., 1972.
Черепнин Л.В. История и современность в работах В.И. Ленина послеоктябрьского периода // История СССР. 1963. № 2.
Черепнин Л.В. Некоторые вопросы истории докапиталистических формаций в России // Коммунист. 1975. № 1.
Черепнин Л.В., Курмачева М.Д. Основные направления изучения феодальной эпохи // История СССР. 1976. № 3.
Чернобаев А.А. «Профессор с пикой», или Три жизни историка М.Н. Покровского. М., 1992.
Черных А.Г. В.И. Ленин — историк пролетарской революции в России. М., 1969.
Чистякова Е.В., Мальцева И.Ф. Ленинская концепция истории России периода феодализма. М., 1985.
Цамутали А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986.